

Светлана Лацук

Возрождение деревни и формирование локальной идентичности: взгляд изнутри

Как отмечает Л. Смирнягин в тематическом сборнике журнала «Отечественные записки», названном «Анатомия провинции», на протяжении всего советского периода региональная, областная, местная идентичность была подавлена и заменена представлением о всесоюзной общности. Смирнягин называет этот феномен парадоксальной «внепространственностью» русской культуры – полном отсутствии в самосознании чувства места¹.

О том же феномене пишет в соседней статье С. Павлюк, отмечая принципиальное отличие российского опыта от опыта США, где, при общем сходстве с нашей административной структурой, низовой регионализм и пространственная самоидентификация развиты в полной мере².

Оба автора при этом фокусируются в своих рассуждениях на новых, обратных процессах, процессах формирования региональной идентичности, начавшихся во время перестройки и продолжающихся до сих пор. С. Павлюк пытается уловить этот процесс с помощью анализа прессы города Торжок за 1985-2001 годы, отмечая постепенное появление в газетах всех уровней восприятия пространства: местного, областного, регионального, странового и мирового.

Несмотря на то что статьи написаны в 2006 году, очевидно, что пространственная самоидентификация локального уровня и локальная самоорганизация в России все еще находятся в процессе формирования и требуют исследовательского внимания. В этом небольшом эссе я постараюсь обозначить один из возможных подходов к проблеме, а именно исследование нарратива местных жителей о локальных изменениях с помощью глубинного интервью.

Работа будет использована в качестве одного из шагов в подготовке теоретической и методологической базы школьной историко-антропологической научной экспедиции в деревню Новоникольск Большеулуйского района Красноярского края в июле 2019 года.

В деревне Новоникольск мы сталкиваемся со случаем оживления давно находящейся в процессе постепенного опустения деревни в результате восстановления храма по инициативе и силами местных жителей. Восстановление храма, начавшееся в 2012 году с предложения молодой семейной пары поставить вокруг руины церкви забор от скота, к сегодняшнему дню переросло в огромный проект, в котором принимает участие большая часть населения деревни (которое составляет всего около 150 человек).

¹ Смирнягин Л. Трансформация общественного пространства России // Отечественные записки. 2006. №5 (32).

² Павлюк С. Чувство места и низовой регионализм // Отечественные записки. 2006. №5 (32). С. 104-114.

Целью экспедиции является сбор материалов по истории деревни и современной истории восстановления храма Святителя Николая Чудотворца. Основными методами работы будут глубинное интервью с местными жителями и включенное наблюдение.

К настоящему моменту в рамках разведочной поездки было проведено и записано черновое интервью с главными героями рассматриваемой истории – инициаторами восстановления храма Вячеславом и Еленой Нефёдовыми³. Одной из целей моего исследовательского эссе является опробовать на этом небольшом доступном сейчас материале методологию работы с данным кейсом.

Наиболее интересной оптикой, которую можно применить к такого рода материалу, представляется нарратологический, или дискурсный, анализ. Традиционно метод дискурсного анализа в вопросах осмысления специфики региона применяется на материале текстов представителей власти и деятелей культуры и политики, формирующих официальный дискурс (как, например, в статье А. Ремнева⁴). Материал, который предполагается анализировать в данной работе, глубинное интервью с местными жителями, может показать взгляд «снизу» на те же проблемы, выявить некоторые особенности регионального *самосознания*.

Подобная методологическая установка предполагает скорее антропологический подход, чем исторический. Исследуется не текст, существующий в культурном пространстве в той или иной форме, а индивидуальный нарратив отдельного человека, являющегося непосредственным актором конкретной деятельности, а по сути – исторического процесса. Этот нарратив предполагает «взгляд изнутри», который может не пересекаться с общекультурным видением того же процесса.

Важно отметить, что наши респонденты не рядовые жители деревни. Они являются не только инициаторами восстановления храма – свою роль как благотворителей они видят в целом в возрождении деревни, ее традиций, человеческих отношений в ней. При этом если Елена, уроженка деревни, говорит в целом изнутри этого процесса, то Вячеслав, будучи родом из Красноярска, вполне осознанно его наблюдает и моделирует. В каком-то смысле его взгляд оказывается близким к взгляду исследователя с той лишь разницей, что представления Вячеслава оказывают непосредственное влияние на происходящее в деревне. Во многом именно Елена и Вячеслав Нефедовы определяют возможные способы локальной самоидентификации жителей Новоникольска.

В действительности, судя по словам респондентки, говорить можно скорее не о существующей локальной идентичности, а о процессе ее формирования, который происходит прямо сейчас. В этом отношении восстанавливающийся храм оказывается культовым местом, точкой отсчета жизни деревни. Год начала восстановления в рассказе

³ Интервью еще не расшифровано, при необходимости я готова предоставить аудиозапись, послужившую материалом для анализа.

⁴ Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // *Ab Imperio* 2003 (3): 135-158.

Елены – нулевой год новой истории Новоникольска, от него она отталкивается во всех рассуждениях, от него отсчитывает все изменения: «Храм поставили – и все дружнее стали».

В этом дискурсе актуализируется традиционный общероссийский способ самоидентификации – через православие и богоизбранность. Возрождение храма, а за ним деревни и Елена, и Вячеслав описывают как чудо, приводя примеры сопутствующих чудес. Так, например, они рассказывают историю о жительнице деревни, которая пожертвовала в храм семейную икону и нашла за ней письмо погибшего отца с фронта. Вся история восстановления храма, по словам Вячеслава, показывает богоугодность этого дела. Когда очень нужна помощь с работами, всегда находятся волонтеры, готовые помочь: «Господь никогда не оставляет», - говорит Вячеслав.

Таким образом, богоизбранность оказывается одной из возможных черт, определяющих локальную идентичность. Наличие храма в деревне становится критерием для самоидентификации, для противопоставления другим деревням Большеулуйского района: «господь привел» здесь церковь поставить. Вячеслав отмечает, что для жителей это ощущение особенности своего места, повышение его статуса является одной из основных причин, по которой строительство церкви поддерживается: «Мы уже село, а не деревня» - это самообозначение оказывается важным фактором формирования идентичности.

В то же время во всем рассказе подчеркивается принципиальная открытость Новоникольска к окрестным деревням, не проводится никаких сепарационных линий: окрестные жители активно помогают в строительстве, Вячеслав и Елена, в свою очередь, консультируют жителей соседней деревни, которые по их примеру решили заняться восстановлением своего храма. Жители открыты также ко всем приезжающим, к людям из города.

Это оказывается важной чертой процесса «оживления» места: стратегия возрождения не ориентируется на сугубо традиционалистский образ деревни, подразумевающий замкнутость, закрытость в своем мире, настороженность по отношению к приходящему извне. В самих словах респондентов заметна ориентация на преодоление провинциальной изолированности, в том числе информационной изолированности, о которой пишет в статье «Настоящее и будущее российской провинции» А. Пилясов, отмечая недостаток нового внешнего знания и слабую воспроизводимость местного знания в качестве главных факторов приобретения локусом статуса «провинции»⁵. Отчасти именно на преодоление этой «знаниевой провинциальности», говоря словами Пилясова, работает привлечение к строительству новоникольского храма паломников из разных мест.

Эту открытость Елена прямо возводит в одну из особенностей деревни и связывает со строительством храма: жители привыкли к приезжающим со стороны, к паломникам, которые помогают со строительством, всех встречают радушно, как дорогих гостей.

⁵ Пилясов А. Настоящее и будущее российской провинции // Отечественные записки. 2006. №5 (32).

Вячеслав, в свою очередь, отмечает эту черту как специфическую для региона: «Сибирь славится своим гостеприимством», - и противопоставляет в этом отношении свой регион центру: «В Москве люди идут, заняты своим делом, все обездушено. Злой город».

Об этой тенденции противопоставления себя Москве в рамках формирования чувства места говорит в своей статье Л. Смирнягин, отмечая, что лишь отчасти оно объясняется законами построения идентичности («сначала формируется представление “они” (в данном случае Москва)), а потом уже “мы”»⁶), отчасти же оказывается извечным фактором отношений провинции и центра. Правда, надо отметить, что в словах Вячеслава явно нет «москвоборчества», о котором пишет Смирнягин, представления о Москве как о «городе-кровососе», тянущем ресурсы из регионов⁷. Скорее, здесь можно говорить об общекультурном топосе противопоставления города и деревни, где деревня однозначно выигрывает за счет существования в ней человеческих отношений: «Здесь все друг с другом здороваются. Для человека из мегаполиса это нонсенс».

Здесь можно заметить еще одну точку опоры в формировании локального самосознания - сплоченность жителей, взаимопомощь. Ключевой оппозицией, вокруг которой в основном строится нарратив, оказывается оппозиция не географическая (моя деревня – соседние деревни, моя деревня – районный центр, моя деревня – Москва), а историческая: «мы раньше» (до строительства храма) и «мы сейчас». При этом категория «мы раньше» не имеет определенной временной локации: она не уточняется, оказывается неким мифологическим пространством тотальной разобщенности.

В свою очередь, категория «мы сейчас» формулируется отчасти через апелляцию к истории: Вячеслав ссылается на общинные практики в Сибири, на традицию крестьянского самоуправления. Примечательно, что советский период с его идеей коллективного хозяйства не актуализируется в рассуждениях Вячеслава. И Вячеслав, и Елена отмечают, что работа над строительством храма объединила жителей и позволила возродить некоторые традиции, например, совместное отмечание праздников в клубе.

Восстановление храма – не единственный механизм возрождения общественной сознательности и коллективности. Семья Нефёдовых – последняя, кто использует традиционный способ покоса и укладки сена – в зароды. Технология способа предполагает работу целой группой людей, и в подобной коллективной работе Нефёдовы видят одну из скреп общественной жизни деревни. Они отмечают, что стога, зароды питательнее, чем рулоны, собранные машинами, хотя и понятно, что укладывать сено вручную намного трудозатратнее.

⁶ Смирнягин Л. Трансформация общественного пространства России // Отечественные записки. 2006. №5 (32).

⁷ Там же.

Итак, мы видим, что нарратологический анализ даже одного небольшого интервью позволяет обозначить несколько направлений исследования, которые могут быть разработаны с помощью этого метода, например:

- факторы формирования локальной идентичности жителей деревни: сущность и наполнение оппозиции «мы-они»;
- представление жителей о современной истории деревни и механизмах ее преобразования: оппозиция «раньше-сейчас»;
- роль традиции и исторической памяти в формировании локальной идентичности.

Тем не менее, одного интервью недостаточно, чтобы делать какие-либо обобщающие выводы. Для полноценного рассмотрения этих вопросов необходимо создать полифоническую нарративную картину за счет опроса большого количества местных жителей. Подобный всесторонний анализ отдельного кейса может углубить наше представление о процессах, происходящих сейчас в регионах и определяющих региональное самосознание. Возвращаясь к вопросу о теоретической и методологической рамке подобного исследования, стоит отметить, что, по сути, здесь мы пользуемся принципами микроистории в том ее смысле, в котором, по замечанию С. Зенкина⁸, она сближается с антропологией. Соблюдение «четкой дистанции между исследователем и материалом»⁹ позволяет неангажированным взглядом увидеть микроисторические процессы, происходящие в современности. В нашем случае достичь этого можно, сочетая антропологические методы сбора материала и историко-филологическую рамку для его интерпретации.

Список использованной литературы:

Зенкин С. Микроистория и филология // Казус: индивидуальное и уникальное в истории 2006 / под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. М.: Наука, 2007, с. 365-377.

Павлюк С. Чувство места и низовой регионализм // Отечественные записки. 2006. №5 (32). С. 104-114.

Пилисов А. Настоящее и будущее российской провинции // Отечественные записки. 2006. №5 (32). под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. М.: Наука, 2007, с. 365-377.

Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Ab Imperio 2003 (3): 135-158.

Смирнягин Л. Трансформация общественного пространства России // Отечественные записки. 2006. №5 (32).

⁸ Зенкин С. Микроистория и филология // Казус: индивидуальное и уникальное в истории 2006 / под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. М.: Наука, 2007, с. 365-377.

⁹ Там же. С. 369.